

шению, [касающемуся] главным образом учетной работы»⁹. Показательно, что в 1927 г. в организационно-распределительном отделе ЦК номенклатурную систему еще считали новой.

В заключение отметим, что отсчет времени существования номенклатуры от большевистской революции 1917 г. или от начала 1920-х гг. является, на наш взгляд, неоправданным допущением. На материалах Сибири хорошо видно, что номенклатурный учет управленцев, ставший со временем основой кадровой политики советского государства, вводится в практику администрирования партийных органов лишь во второй половине 1920-х годов. До этого новая власть вынуждена была решать гораздо более серьезные, угрожающие проблемы.

¹ Свириденко Ю.П., Пашин В.П. Коммунистическая номенклатура: истоки, сущность, содержание. М., 1995.

² Восленский М.С. Номенклатура: господствующий класс Советского Союза. М., 1991. С. 13.

³ Коновалов А.Б. К вопросу о технологии работы с номенклатурными кадрами РКП(б) в сибирской провинции начала 20-х годов // Общество и власть: Кузбасс в составе Томской губернии (1804–1925 гг.). Материалы научной конференции, посвященной 200-летию со дня образования Томской губернии. Кемерово, 2004. С. 115.

⁴ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 83. Л. 8–20, 31–52. Там же. Д. 84. Л. 1–74.

⁵ Там же. Д. 84. Л. 21.

⁶ Там же. Д. 83. Л. 28 об.

⁷ Там же. Ф. 17. Оп. 68. Д. 446. Л. 28–31.

⁸ Там же. Оп. 69. Д. 140. Л. 17, 165.

⁹ Там же. Л. 15–16.

Е. Н. Грекова

Окружное судопроизводство в Сибирском крае (1925–1930-е годы)

Проблемы советского судопроизводства нашли отражение в целом ряде трудов отечественных исследователей. Становлению судебной системы в РСФСР и особенностям судопроизводства посвящены научные исследования Д.С. Кареева и С.А. Голунского¹, а также М.В. Кожевникова². Региональные аспекты проблемы раскрываются в труде Л.И. Боженко «Соотношение классовых групп и классовой борьбы в Сибирской деревне (конец 1917–1927 годы)»³. Несмотря на то, что тематика работы напрямую не связана с историей окружной судебной системы, в ней можно найти количественные данные по отдельным видам преступлений в крестьянской среде, описание некоторых показательных судов.

Освобождение от советских идеологических штампов привело к тому, что литература постсоветского периода излагает особенности становления судопроизводства, судебную практику и причины противоречий в судопроизводстве с совсем иной позиции. В книге А.П. Угроватова анализируются особенности и противоречия становления и укрепления законности в 1920-е гг.⁴ В другой своей работе автор определяет проблему специфики проведения советской политики и реакции на данную политику различных слоев населения, затрагивает особенность судебной деятельности в Сибири, приводит статистические данные по контрреволюционной преступности⁵. В диссертационном исследовании Ж.А. Рожневой⁶ освещается политическое состояние Сибири и противоречия народных масс, связанные с данной политикой, выделяются основные политико-судебные процессы, даются сведения о характере влияния партийных организаций на судебную систему и определяется особенность структуры судов.

Нельзя не отметить фундаментальное исследование западного историка Питера Соломона⁷, в котором сделана попытка проанализировать как теоретические основы, на которых строилась судебная система Советского государства, так и формы реализации уголовной политики в 1920-е гг., показан характер взаимоотношений между партийными и судебно-следственными органами и использование судов в осуществлении репрессий государством.

Подводя итог историографическому обзору, следует отметить, что данная тема изучена далеко не полно. Проведенные отечественными и зарубежными историками исследования раскрывают особенности судопроизводства РСФСР в целом, дают представления о наиболее известных процессах, влиянии власти на деятельность судов. В то же время проблема становления и развития окружного судопроизводства в Сибирском крае во второй половине 1920-х гг., особенности окружного судопроизводства, изучение судебных процессов на региональном уровне, их роль и место в общем судопроизводстве остаются пока слабо изученными. Задача данной работы – показать условия появления, основные черты судебной практики и причины ликвидации окружного судопроизводства в Сибирском крае в период с 1925 по 1930 г.

Для решения данной задачи немаловажную роль сыграли опубликованные источники. Прежде всего это законодательно-нормативные акты, к которым относятся УК РСФСР, Собрание узаконений и постановлений Рабоче-крестьянского правительства⁸. Также это специальный юридический журнал «Еженедельник советской юстиции», местные газеты, выходившие в основных административных центрах Западной Сибири («Красное знамя», «Советская Сибирь», «Красный Алтай», «Рабочий путь»), и справочник по административно-территориальному делению Сибири⁹.

Россия во второй половине 1920-х гг. переживала значительные перемены. Происходит свертывание новой экономической политики, берется курс на индустриализацию промышленности. В декабре 1927 г. было принято решение о подготовке первого пятилетнего плана, а через два года взят курс на сплошную коллективизацию сельского хозяйства, сопровождавшуюся чрезвычайными мерами и дальнейшим расширением полномочий Объединенного Государственного Политического Управления. В 1929 г. развернулась чистка партий и госаппарата. Для реализации своих политических целей Сталину и его окружению, стремившимся к тотальному контролю над всеми структурами общества, потребовалось изменить систему работы государственных учреждений на местах, в том числе и правоохранительных органов.

Сибирь в 1920-е гг. представляла собой быстро развивающийся и стратегически важный регион. В то же время здесь скапливалось большое количество людей, которых власти могли отнести к потенциально опасным. Это можно объяснить тем, что в регион ссылались на каторжные работы огромное количество заключенных, как по уголовным преступлениям, так и по преступлениям, носившим политический характер. Существовавшей в тот период судебной системе в составе Верховного Суда РСФСР, губернских судов и народных судов с каждым годом становилось все сложнее справляться с возрастающим количеством дел. В результате потребовалось внести изменения в сторону расширения судебной системы: губернские суды заменялись краевыми и окружными судами.

На территории Сибири в результате нового административно-территориального деления в октябре 1925 г. был образован Сибирский край, включавший в себя Омскую, Алтайскую, Ново-Николаевскую и Томскую губернии¹⁰. С 1 апреля 1927 г. в нем начался переход к системе окружных судов, осуществлявшийся на основе нового Положения о судостроительстве РСФСР, принятого 3 сессией ВЦИК XII созыва еще 19 ноября 1926 г.¹¹. Процесс повсеместного распространения окружного деления завершился только к концу 1927 г. Структура судебных органов на краевом уровне включала Сибирский краевой суд, окружные суды и народные суды. Окружные суды в качестве кассационной инстанции рассматривали дела, поступавшие из народных судов, за исключением дел, переданных в ведение краевого суда.

Однозначно подразумевалось, что уголовное право могло быть поставлено на службу социализму только при условии, если кадровый состав судов будет «своим». Это привело к распространению и на судебные органы системы выдвигенчества. При этом лишь небольшое число судей-выдвигенцев обладало юридическим образованием, у многих не было образования и на уровне средней школы. Такой поверхностный отбор судей не мог не привести к отрицательным результатам. Некото-

рых из-за их низкой компетентности пришлось снимать с работы и переводить на другие должности. В конце 1920-х гг. показатель текучести кадров достиг 24 %¹².

К тому же большинство судей было выходцами из рабочих и крестьян, которые получали должностные места в судебных ведомствах благодаря политическим связям. В течение 1920-х гг. взаимосвязь между судебными работниками и местными партийно-государственными руководителями постоянно укреплялась. Уже к 1926 г. судьи зависели от уездных (а позднее и от окружных) властей в вопросе расходов по бюджетным статьям¹³. Отрицательно сказывалась и низкая заработная плата: истинно профессиональные люди покидали посты и переходили на более престижные и хорошо оплачиваемые места.

Немаловажным являлось отсутствие четкого судебного контроля над правонарушениями, происходивших и в самих окружных судах: злоупотребление и использование своего положения в корыстных целях, вынесение приговоров, не соответствующих установленным нормам. В результате много дел, находившихся в ведомстве окружных судов, прекращались краевым судом Сибири по причине некомпетентности принятых решений¹⁴. Например, в отчетном докладе о работе Томского окружного суда за 1929 г. указывалось, что контрреволюционные дела составляют 46 % среди прекращенных дел и 30 % – среди оправдательных приговоров¹⁵.

Рассмотрению окружных судов по Уголовному кодексу РСФСР подлежали такие группы дел, как контрреволюционные преступления; должностные преступления; тяжкие преступления, совершенные против личности и имущества¹⁶.

В деятельности окружных судов наибольшее место занимало судопроизводство по преступлениям, направленным против личности и имущества. Данные преступления практически не освещаются в литературе, что неудивительно, так как все внимание государственных органов было направлено на борьбу с контрреволюционными преступлениями. Но нередко к этим контрреволюционным были причислены обычные преступления. На самом же деле, исходя из материалов региональной периодической печати «Красное знамя», «Советская Сибирь», «Красный Алтай», «Кузбасс», «Рабочий путь», ничто так часто не встречается, как преступления данной группы. Грабежи, хулиганства, избиения, изнасилования, убийства – все вместе по численности превосходят дела по контрреволюционным преступлениям.

Окружной суд также боролся и с должностными преступлениями, которые хорошо освещались в прессе: бюрократизм отдельных работников советского аппарата, проявления административного произвола, взяточничество, халатное отношение к обязанностям.

В «Советской Сибири» за 1928 г. приводятся следующие данные по Новосибирскому округу: по статье 109 (злоупотребления властью) – 9 дел; ст. 111 (халатность) – 17 дел (больше всего попало под суд милиционеров ведомственной милиции и надзирателей ИТД). Например, надзиратель ИТД Барашков во время дежурства выпустил рецидивиста вместо другого заключенного, не проверив его личность, за что получил 6 месяцев лишения свободы условно. По статье 108 (растрата) проходило 108 дел, что составляет 74 % от всех. Общая сумма растрат на данный округ составила 50 000 руб. По статье 120 (служебный подлог) – 5 дел¹⁷. Наиболее часто совершаемыми должностными преступлениями были взяточничество, растраты и халатное отношение к своим обязанностям.

Как известно, в конце 1920-х гг. руководством страны был взят курс на индустриализацию и коллективизацию. Вместе с тем обозначились проблемы в аграрной сфере: срыв хлебозаготовок в деревне, отказ населения выплачивать все увеличивающиеся налоги. В условиях свертывания нэпа власти считали основной противостоящей силой кулачество и зажиточную часть середняков, чья активность нарастала¹⁸. Государственные органы стремились приписывать контрреволюционный характер возможно большому числу преступлений, пытались всю судебную деятельность направить на ликвидацию «контрреволюционной преступности»¹⁹. Например, за избиение рабкора Булышкина бывший секретарь завкома Варзанов приговорен Томским окружным судом на один год лишения свободы (условно), на 3 года испытательного срока, и на 3 года лишен права работать по своей специальности. Это наказание, достаточно суровое для такого преступления, он получил потому, что «покушение на селькоров и рабкоров есть контрреволюционный террористический акт»²⁰.

Исходя из официальной статистики за май 1926 г. было зарегистрировано до 46 случаев убийств и преступлений, совершенных «кулаками и их сообщниками», затем число это несколько уменьшилось, составив в общей сложности за июнь–сентябрь 99 случаев, затем снова резко возрастает до 76 случаев в октябре и 72 – в ноябре и декабре. И в 1926 г. Сибирь по количеству так называемых «террористических выступлений» оставалась на первом месте. Из 549 зарегистрированных за июнь–декабрь 1926 г. случаев террора на Сибирь падало 247²¹.

Ужесточение судебной деятельности особенно наглядно проявилось в ходе осуществления коллективизации, сопровождавшейся масштабными репрессивными акциями против так называемого «кулачества». Отмеченное нарастание государственного террора подтверждают количественные данные привлеченных к судебной ответственности крестьян Сибири. Если в хлебозаготовительную кампанию 1927/1928 г. под суд было отдано 1589 человек, то в 1928/1929 г. оштрафовано в порядке общест-

венной инициативы с подтверждением судебного решения – 8066 чел. В 1929–1930-х гг. оштрафовано 15 315 чел.²². Однако следует сделать оговорку, что эти данные могут и не быть точными, так как судебные работники были принуждены к сотрудничеству с местным руководством, стремившимся к защите своих друзей от судебных преследований²³. Резко возросло число контрреволюционных преступлений (в 1928 г. – 364, январе–феврале 1929 г. – 1257, сентябре–октябре 1929 г. – 3391), из них 35 % приходилось на агитацию против Советской власти. В этих условиях окружные суды стали инструментом принуждения, запугивания и даже в отдельных случаях расправ.

С 1928 г. наблюдалась большая загруженность окружных судов. Перед ними была поставлена задача упростить процессы следствия и суда, потому что много дел даже не заслуживали судебного разбирательства. В результате в 1929–1930 гг. работникам суда было предписано упростить столько процедур, по такому количеству типов дел, что стало вообще непонятным, какие правила оставались в силе²⁴.

Последней попыткой ускорить процесс судопроизводства стало создание выездных сессий окружных судов. Перед окружными судами во время рейдов стояли четыре главные задачи. Первая – оказание давления на крестьян с целью получения зерна и доведения крестьянского хозяйства до состояния банкротства. Это достигалось путем преследования кулаков и середняков по обвинению в невыполнении твердых заданий (ст. 61¹⁻³ Уголовного Кодекса РСФСР). В меньшей степени применялась статья 107 (за спекуляцию).

Вторая задача – оказание давления на сельских должностных лиц, таких как председатели сельских советов и колхозов. Судебное преследование за злоупотребление властью и преступную халатность (ст. 109 и 111 УК РСФСР) имело двойной прицел: 1) принудить сельские власти подчиняться приказам районного начальства; 2) выявить «козлов отпущения» в случае провалов в политике коллективизации.

Третья задача – пресечение сопротивления, оказываемого политике коллективизации: поджогов колхозной собственности (ст. 58⁹ – поджог, ст. 58⁷ – вредительство), агитации против колхозов (антисоветская агитация – ст. 58¹⁰), убоя скота (ст. 79^{1,3}), порчи тракторов и сельскохозяйственных машин (ст. 79²).

Четвертая задача – защита сторонников режима – должностных лиц, сельских учителей и селькоров, а также двадцатипяти тысячников – от нападений и преследований (ст. 73¹ – угрозы должностному лицу)²⁵.

Исходя из перечисленных задач можно сказать, что здесь также чувствовалось влияние интересов власти. К тому же данные сессии создавали лишь видимость законности, а правонарушения продолжали совершаться как со стороны партийных работников, так и советских органов, и действенных рычагов наказания у судов не было, а когда

имелись, то пускать их в ход не решались. Тем более что они находились под сильнейшим прессингом и угрозами отстранения от занимаемых должностей за невыполнение плановых заданий. Оставшиеся работники на местах делали для себя соответствующие выводы²⁶.

В июле 1930 г. деятельность окружных судов перестала осуществляться. Отчасти это объясняется проведением административно-территориальной реформы, основанием которой явилось постановление ЦИК и СНК РСФСР о ликвидации округов (тогда же на основе постановления ВЦИК РСФСР из 14 округов бывшего Сибирского края был образован Западно-Сибирский край)²⁷. Но нельзя не учитывать и ряд вышеперечисленных проблем (таких как непрофессиональная подготовка судебных кадров), повлекших правонарушения и некомпетентность следствия, а также подчинение окружных судов политическим, идеологическим и экономическим задачам как центральных органов власти, так и местной администрации (не говоря уже о полной подотчетности Сибирскому краевому суду). Всё это могло привести к тому, что окружные суды перестали справляться со своими обязанностями и задачами, поставленными администрацией. Впрочем, следует сделать оговорку, что для тогдашних властей «подчинение окружных судов политическим, идеологическим и экономическим задачам» было естественным и не могло служить причиной их ликвидации.

Таким образом, не оправдались расчёты властей на то, что после создания окружных судов судебная система в Сибирском крае заработает более эффективно в плане рассмотрения судебных процессов, ускорения следствия по каким-либо преступлениям и борьбы с «контрреволюционной преступностью». Система функционирования окружных судов оказалась нечёткой. К тому же они, помимо нерешенных внутренних проблем, ощущали внешнее давление со стороны властей. С одной стороны, суды не могли идти против существующего строя ввиду полной подчиненности ему, с другой стороны – законодательные судебные акты прописывали для судопроизводства решения, противоположные мнению руководства политических органов управления. Это противоречие привело к застою окружного судопроизводства в Сибирском крае, загруженности окружных судов, и к их упразднению в июле 1930 г.

¹ Голунский С.А., Карев Д.С. Судостроительство СССР. М: Юридическое изд-во Министерства Юстиции СССР, 1946. 196 с.

² Кожевников М.В. История советского суда 1917–1956 годы. М: Госюриздат, 1957. 382 с.

³ Боженко Л.И. Соотношение классовых групп и классовой борьбы в Сибирской деревне (конец 1917–1927 годы). Томск: Издательство Томского Университета, 1969. 210 с.

⁴ Угроватов А.П. Нэп и законность. 1921–1929 годы. Новосибирск: Изд-во «Советская Сибирь», 1997. 106 с.

⁵ Он же. Красный бандитизм в Сибири. 1921–1929 годы. Новосибирск: Изд-во ЮКЭА, 1999. 208 с.

⁶ Рожнева Ж.А. Политические судебные процессы в Западной Сибири в 1920–1930е гг. Томск, 2003. 226 с.

⁷ Соломон П. Советская юстиция при Сталине. М: РОССПЭН, 1998. 462 с.

⁸ Уголовный Кодекс РСФСР. Л: Рабочий Суд, 1928. 153 с.; Собрание узаконений и постановлений Рабоче-крестьянского правительства РСФСР. 1925. № 89. 1926. № 85.

⁹ Административно-территориальное деление Сибири (август 1920 г. – июль 1930 г.), Западной Сибири (июль 1930 г. – сентябрь 1937 г.), Новосибирской области (с сентября 1937 г.): Справочник. Новосибирск: Западно-Сибирское книжное изд-во, 1966. 220 с.

¹⁰ Собрание узаконений и постановлений Рабоче-крестьянского правительства РСФСР (СУ). 1925. № 89. Ст. 651.

¹¹ Там же. 1926. № 85. Ст. 624.

¹² Соломон П. Советская юстиция при Сталине. С.33.

¹³ Там же. С. 53.

¹⁴ Еженедельник Советской Юстиции. М, 1927. № 23. С. 10.

¹⁵ Рожнева Ж.А. Политические судебные процессы... С. 106.

¹⁶ Уголовный Кодекс РСФСР. С. 6.

¹⁷ Советская Сибирь (Новосибирск). 1928. 6 декабря.

¹⁸ Боженко Л.И. Соотношение классовых групп... С. 158.

¹⁹ Там же. С. 159.

²⁰ Кузбасс (Кемерово). 1928. 9 января.

²¹ Боженко Л.И. Там же. С. 161.

²² Угроватов А.П. Красный бандитизм в Сибири. С. 156.

²³ Соломон П. Советская юстиция при Сталине. С. 53.

²⁴ Там же. С. 71.

²⁵ Там же. С. 85.

²⁶ Угроватов А.П. Красный бандитизм в Сибири. С. 155.

²⁷ Административно-территориальное деление Сибири... С. 117.

Н. С. Головань

**К постановке проблемы унификации
статистических показателей 1940-х – 1950-х годов
(на примере сибирской жилищной статистики)**

Советский период отечественной истории, несмотря на пристальное внимание многих исследователей, до сих пор оставляет ряд спорных вопросов и неоднозначных ответов. В среде историков вызывают дискуссии проблемы, связанные не только с